

Топка Лариса Владимировна, Конева Варвара Фаридовна

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КАТЕГОРИЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Категоричное речевое поведение как результат социально релевантного опыта индивидов является протестом против стереотипных ролевых предписаний, вызванным чувством справедливости и моральным правом говорящего субъекта на категоричные речевые действия. Данный феномен представляет исследовательский интерес в рамках языковой репрезентации ситуаций воззвания и требования, ярко проявившихся в творчестве представителей так называемого бит-поколения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 174-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'1

Филологические науки

Категоричное речевое поведение как результат социально релевантного опыта индивидов является протестом против стереотипных ролевых предписаний, вызванным чувством справедливости и моральным правом говорящего субъекта на категоричные речевые действия. Данный феномен представляет исследовательский интерес в рамках языковой репрезентации ситуаций воззвания и требования, ярко проявившихся в творчестве представителей так называемого бит-поколения.

Ключевые слова и фразы: категоричность; речевое поведение; социальная группа; контркультура; воззвание; требование.

Топка Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент

Конева Варвара Фаридовна

*Евразийский лингвистический институт Московского государственного лингвистического университета
lavtop@list.ru; varvara.koneva@gmail.com*

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КАТЕГОРИЧНОГО РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ[©]

Речевое поведение человека регламентируется системой отношений, устанавливаемых между ним и окружающим его миром, эти отношения обуславливают его речевые и неречевые действия в тех или иных потенциально возможных ситуациях, определяя процесс моделирования человеком мира и самого себя. В широком семиотическом смысле данная система отношений и является культурой – феноменом, который невозможно анализировать вне социально-экономического и политического контекстов. Этнические и социальные параметры общества оказываются тесно взаимосвязанными, и только «переплетение (подчас весьма сложное) этнолингвистических и социолингвистических характеристик в рамках единой лингвоэкологии позволяет представить полную картину функциональной жизни языка» [4, с. 5].

В данной статье категоричное речевое поведение как результат социально релевантного опыта людей представляет исследовательский интерес в рамках языковой репрезентации ситуаций воззвания и требования, ярко проявившихся в творчестве так называемого бит-поколения, чьё литературное наследие являет собой образец культуры богемы.

Исследования, в рамках которых рассматриваются процессы «кристаллизации типовых способов общения при включении механизмов порождения речи в социальную ситуацию» [9, с. 17], позволяют проследить причинную зависимость развития языка от существующих социальных явлений; говоря словами Е. Д. Поливанова: «... в языковой действительности имеются факты физического, психического и социального порядка; отсюда и лингвистика, с одной стороны является наукой естественноисторической, (соприкасаясь с акустикой и физиологией), а с другой стороны, одной из дисциплин, изучающих психическую деятельность человека, и, в третьих, наукой социологической» [15, с. 182].

Проблема социальной обусловленности языковой эволюции зиждется на утверждении о том, что развитие языка не может быть абсолютно автономным, поскольку в разной степени зависит от развития общества, и если «язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную» [3]. Влияние общества на язык происходит не непосредственно, изменения в социальной жизни могут ускорять или замедлять ход языковой эволюции, хотя и не могут влиять на ее характер и направление, что определяется внутренними законами языка (см., подробнее: [16, с. 53]).

Общение, словами У. Матураны и Ф. Варелы, – это координированное поведение, взаимно запускаемое его участниками – членами социального единства [13, с. 170], их позиции взаимосвязаны, за ними закреплены определённые права и обязанности исполнения некоторой деятельности, их взаимное расположение, зависимое от социальных связей и отношений, определено статусом каждого из них – их местом в структуре общества. Речевое общение – это сложный процесс, в котором выделяются лингвистический, психологический и социальный аспекты, где последний включает в себя статусные и ролевые различия между индивидами, проявляющиеся в актах коммуникации, а также общественные требования и стандарты речевого поведения (см., например: [2, с. 155]).

Общение индивидов протекает в рамках социальных общностей, имеющих собственную историю формирования, во многом определяющую их свойства. Язык имеет тенденцию меняться в результате деления самого общества на различные социальные группы, а также из-за вмешательства общества в языковые вопросы с идеологических позиций (см., подробнее: [22]).

Референтная группа, на которую ориентируется индивид, может создавать пространство для стереотипных поведенческих актов; психологическое соотнесение себя с социальной группой, с членами которой он разделяет нормы и ценности, приводит его к делению представителей окружающего мира на «своих» и «чужих». Как заметил Э. Сепир, «чрезвычайная важность мельчайших языковых различий для символизации таких психологически реальных групп, противопоставленных политически и социологически официальным группам, инстинктивно чувствуется большинством людей. “Он говорит как мы” равнозначно утверждению “Он один из наших”» [17, с. 232].

[©] Топка Л. В., Конева В. Ф., 2015

Участники общения различаются по признакам «свой/чужой» и «выше/ниже» в социальной иерархии (в терминах В. И. Карасика – нисходящий или восходящий статусный вектор [11, с. 84]) и обладают некоей совокупностью социализированных норм общения, включающих как языковые нормы, так и правила социального взаимодействия. Эти нормы, по мнению некоторых исследователей, обязательны для представителей определенного языкового сообщества при их речевом поведении в социально-неоднородной среде [5, с. 128].

Неисчислимо количество групп, с присущими им особенностями норм речевого и неречевого поведения, предопределенными их представлениями об устройстве социума, связаны вертикальной и горизонтальной коммуникациями, интенсивность которых влияет на культурное единообразие. Когда некоторые группы образуют разновидности культуры большинства либо противопоставляют себя обществу в целом, отталкиваясь от его культурных норм и ценностей, тогда следует говорить о субкультуре и контркультуре соответственно (см., подробнее: [2, с. 180]).

Творчество представителей бит-поколения как эталон культуры богемы являет собой социальный протест против сложившихся норм и правил американского социума второй половины двадцатого века посредством обращения к широким кругам общественности с призывом к бунту, к неприятию устоявшейся идеологии. Культура богемы – это контркультура, которая, имея свою собственную парадигму, отличается от доминирующей культуры, противостоя ей, находясь в конфликте с господствующими в ней ценностями и правилами речевого и неречевого поведения.

Возникшее в США в конце 1950-х и начале 1960-х годов бит-поколение или поколение битников представляло собой группу молодых людей, преимущественно писателей (У. Берроуз, Д. Керуак, А. Гинзберг), а также поэтов и художников, которые в поисках другого стиля жизни отвергали социальные ценности своего времени, интересуясь восточными религиями и новыми литературными формами (см., например: [31, р. 34]).

Битником как представителем данной социальной группы называли молодого человека периода конца пятидесятых и начала шестидесятых годов двадцатого века, не принимающего привычных представлений и правил общества, а, наоборот, одеждой и манерой поведения демонстративно подчеркнуто отличающегося от других членов этого общества [29, р. 115].

Противопоставляя себя социуму, его моральным нормам и образу жизни, битник, по мнению самих носителей английского языка, обладал такими характерными особенностями как длинные волосы и неопрятная одежда [31, р. 96].

Интересна история появления лексемы *битник* (*beatnik*) в английском языке, её авторство приписывается американскому писателю французского происхождения Джеку Керуаку (1922-1969), который в 1958 образует её от словосочетания «поколение битников» (*beat generation*) для именованной группы молодых писателей и художников, чьё творчество приходилось на период после Второй мировой войны, добавив идиш суффикс *-nik*, по аналогии со словом *нудник* (*nudnik*), как в словах с русским суффиксом *-ник*, например, в слове *спутник* (1957) [25, р. 84].

Аналогия со словом *нудник* не случайна, лексема *nudnik* или *nudnick*, являясь единицей сленга американского английского, имеет русское, славянское происхождение, обозначая утомительного, раздражающего человека. Из русского языка она была заимствована через идиш от *nudnik*, от *nudne* – скучно, *nudyen*, *nudzhen* – утомлять, приставать (от русского – нудный, скучный, нуда – скука, связанных со старославянским словом *нужда* в сочетании с личным суффиксом *-ник*) и впервые была употреблена в американском английском в 1927 году в названии фильма «*Nudnik of the North*» (Нудник Севера) (см., подробнее: [Ibidem, р. 713]).

Своим персональным демонстративным поведением, своим творчеством участники данного движения вызвали общественный резонанс в американском социуме в 50-60-е годы двадцатого века. Литературное направление битников было теснейшим образом связано с молодежным движением того времени, а его сторонники принимали активное участие в различных «раздражающих» традиционное общество социальных протестах (см., например: [33]), наглядно демонстрируя социальную обусловленность феномена категоричности в своём творчестве.

Феномен категоричности исследуется социологией, психологией и лингвистикой. Социология рассматривает его как высокую степень уверенности, отсутствие сомнений по поводу сказанного, несдержанность в оценке чего-либо, обусловленную высоким социальным статусом индивида. В психологии данное явление трактуется не в последнюю очередь как уверенность в собственной правоте, проистекающая из глубинной неуверенности в себе говорящего субъекта, демонстрирующая его ограниченность и низкий уровень культуры, что может быть характерно для ситуации бравяды.

В лингвистике категоричность определяется как тактический приём, который используется участниками коммуникации для достижения определённой цели воздействия, оказывая влияние на характер их взаимоотношений, создавая напряжённую атмосферу общения, а иногда и острую конфликтную ситуацию. «Категоричное речевое поведение характерно для человека уверенного, обладающего внутренней силой, решимостью в совершении определённого действия и решительностью его выполнения. Признаки уверенности могут быть как внешние (те, что доступны адресату или наблюдателю): прямой фиксированный взгляд, уверенные, чёткие движения или их отсутствие, расслабленное тело, прямая спина, точное формулирование желаемого, громкий голос, очевидная способность постоять за себя, так и внутренние (доступные в ощущениях самому говорящему): способность и/или готовность принимать решение, отдавать распоряжение, приказывать или требовать» [18, с. 109].

Все эти социальные, психологические и лингвистические факторы в своей совокупности позволяют произвести детальный анализ категоричного речевого поведения, характерного для ситуаций воззвания и требования,

получивших своё выражение в творчестве битников посредством категоричного высказывания – одного из коммуникативно-прагматических вариантов, передающих уверенность говорящего субъекта в достоверности сообщаемого, его прямолинейность, а также несдержанность в выражении оценки.

Ситуация требования, «обусловленная обстановкой общения, статусно-ролевыми параметрами коммуникантов, особенностями их физического и эмоционального состояния, репрезентирует более высокий социальный статус говорящего субъекта в иерархии социальных отношений и его право, как правило моральное, на категоричные речевые действия» [20, с. 162], что позволяет ему диктовать программу действий для адресата:

Poet, be God's spy, if God exists. Painter, paint his eye, if He has one [26, p. 12]. / Поэт, будь соглядатаем Бога, если Бог есть. Художник, нарисуй его глаз, если он у него есть. (*Здесь и далее перевод автора – Л. Т.*)

Исполняя ситуативные роли, участники ситуации требования оценивают поведение друг друга, руководствуясь собственными стереотипами, их категоричное речевое поведение может быть спровоцировано ролевым конфликтом, возникшим из-за различий в понимании престижа статуса коммуникативного партнёра.

Приобретая статус, индивид осваивает соответствующие ему роли, осуществляя этот процесс через призму его личного социального и эмоционального опыта, а также под влиянием среды, к которой он принадлежит; «одна и та же социальная роль может по-разному восприниматься разными индивидами, по-разному оцениваться. (...) Коммуникант, являясь носителем определенной социальной роли, постоянно ориентирует свое поведение на обладателя другой позиции» [19, с. 21].

Представления о типичном исполнении социальных ролей предсказуемо складываются в стереотипы, которые являются неотъемлемой частью ролевого поведения. Повторяемость ролевых признаков, таких как манера говорить, двигаться или одеваться, вместе с опытом индивида формируют стереотипность восприятия социальных ролей, которая впоследствии диктует нормативное понимание статуса не только окружающим, но и его носителю:

If you call yourself a poet, don't just sit there. Poetry is not a sedentary occupation, not a "take your seat" practice. Stand up and let them have it [26, p. 5]. / Если называешь себя поэтом, не сиди просто так. Поэзия – это не сидячая профессия, не «займи своё место» деятельность. Встань и покажи им.

В конкретной ситуации общения индивид выбирает стереотипный статус, в соответствии с которым и выстраивает свое вербальное поведение. «Речевое поведение языковой личности находится под влиянием целого комплекса факторов, находящихся в состоянии взаимовлияния и взаимообусловливания. Удельный вес данных факторов различен, но учет каждого из них необходим для составления целостной картины вербального поведения языковой личности» [8, с. 27].

В пространстве институционального дискурса ситуация требования, обусловленная юридическим правом говорящего на категоричные речевые действия (его статусом), зачастую сопряжена с ситуациями приказа и обвинения; в пространстве личностно-ориентированного дискурса она может сближаться с ситуацией воззвания, поскольку вызвана моральным правом говорящего субъекта на категоричные речевые действия, его так называемым «чувством справедливости», отсюда и эмоциональная нагруженность, интенсивность воздействия на коллективного адресата посредством неоднократного повтора значимых частей категоричного высказывания, как правило, в форме восклицания:

Solitude! Filth! Ugliness! Ashcans and unobtainable dollars! Children screaming under the stairways! Boys sobbing in armies! Old men weeping in the parks [1, с. 24]! / Одиночество! Грязь! Уродство! Мусорные баки и недостижимые доллары! Дети, кричащие под лестницами! Мальчики, рыдающие в армии! Старики, плачущие в парках!

Воззвание является разновидностью ораторской речи, для которой характерен повтор значимых частей высказывания, обуславливающий эмоциональную напряжённость путём воздействия на разум, волю и чувства адресата. В современном английском языке воззвание – *appeal* объясняется через настойчивую просьбу дать вам то, в чём вы нуждаетесь – помощь, деньги или информацию: *an urgent request for people to give you something that you need such as help, money, or information* [29, p. 59] и через требование совершить какое-либо действие или вести себя соответствующим образом: *a request for people to do something or to behave in a particular way* [Ibidem, p. 60]. Сама лексема *appeal* – «воззвание» появилась на рубеже тринадцатого и четырнадцатого веков (около 1300) как заимствование из старофранцузского *apeler* – «призвать, обвинить» от латинского *appellare* – «приставать, обращаться, призывать» [25, p. 43]. Как видно из этимологического описания, лексема *appeal* изначально имела значение – *originally, to drive to court for payment of debt*, что значит – «доставлять в суд для оплаты долга, обращение в вышестоящую судебную инстанцию» (см. подробнее: [21, с. 295]).

Речевое поведение индивида сводится к приспособлению к окружающей его среде [12], социальная среда не является исключением, согласно теории К. Л. Пайка акт социального взаимодействия – это поведенческий акт (*behavioral event*), обладающий внешней манифестацией и вызывающий реакцию у других индивидов (см., подробнее: [32]). Добавим, что в творчестве битников данный акт имеет выраженную адресную направленность:

America I've given you all and now I'm nothing [1, с. 40]. /

Америка, я отдал тебе всё и теперь я ничто.

Когда мы говорим о детерминирующей роли речевой ситуации и социальных факторов, характеризующих эту ситуацию, утверждает А. Д. Швейцер, мы должны помнить о том, что связь между речевыми процессами и социальными факторами проявляется именно в реакциях на стимулы социальной среды, которые не всегда шаблонизированы [23, с. 15].

Многие выдающиеся учёные, психологи и лингвисты, (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, Р. О. Якобсон) считают, что социальное бытие участников общения определяет «внутренние координаты» последних [6; 7; 24],

обуславливая закономерности процесса актуализации общественных отношений. Детерминированная общественно-историческими законами развития, индивидуально-психическая деятельность либо входит составной частью в общественно-производственную и коммуникативную деятельность человека, либо представляет собой самостоятельный вид деятельности (см. подробнее: [10, с. 67]), например, индивидуально-творческую деятельность поэта, художника или писателя.

Общество как система социальных групп состоит из взаимосвязанных позиций, диктующих определенные права и обязанности согласно общественно одобренным образцам (ожиданиям, предписаниям), индивид как представитель конкретной социальной общности ориентирует свое поведение на обладателей других социальных позиций, противопоставляя себя им или всему социуму в целом. Психолингвистические особенности члена определённой социальной общности, в данном случае – представителя поколения битников, как один из факторов, влияющих на проявление категоричности, рассматриваются в свете лингвистического моделирования речевой деятельности как целостного комплекса актов социального взаимодействия.

Анализируя творческую деятельность писателя или поэта – битника, следует принимать во внимание её индивидуально-психическую, а также коммуникативно-общественную формы, отражающие социальные реалии и являющиеся катализатором проявления его категоричного речевого поведения. Представители бит-поколения приписывали роли писателей-экзистенциалистов, безнравственных личностей, романтиков, аполитичных людей и представителей богемы, сами же битники стремились вырваться из устоявшихся общественных рамок посредством категоричного речевого поведения как в повседневной жизни, так и в своём творчестве:

I didn't know what to say. I felt like crying, Goddammit everybody in the world wants an explanation for your acts and for your very being [27]. / Я не знал, что сказать. Мне хотелось плакать, чёрт возьми, каждый в этом мире жаждет, чтобы ты объяснил свои поступки и само своё существование.

Характерные для того времени откровенный конформизм, предвзятость в социальном отношении, насилие над свободой самовыражения и восхваление американского образа жизни привели к закономерному бунту и неприятию какой бы то ни было готовой идеологии и этики (см. подробнее: [14; 30]).

Таким образом, творчество битников можно назвать первым неоавангардистским бунтом в послевоенном американском искусстве, маркированным категоричным речевым поведением. Категоричное высказывание как средство текстовой репрезентации категоричного речевого поведения писателей и поэтов, представителей бит-поколения, в ситуациях воззвания и требования представлено такими равноуровневыми языковыми элементами, как метафора, аллюзия, персональное обращение, восклицание обличительного характера, риторический вопрос, табуированная и эмоционально окрашенная лексика, а также нарочитое нарушение правил орфографии и пунктуации.

Языковое оформление вышеуказанных ситуаций обусловлено параметрами самой ситуации общения, где главным элементом является говорящий субъект – писатель или поэт-битник, вызывающий или требующий, вернее его способность эффективно воздействовать на ум, волю и чувства коллективного адресата; его категоричное речевое поведение как протест против стереотипных ролевых предписаний, вызванный чувством справедливости и моральным правом на категоричные речевые действия, социально обусловлено в той же степени, в которой социально детерминировано его творчество, само по себе являющееся каналом социальной регуляции.

Список литературы

1. **Антология поэзии битников** / сост. и пер. Г. П. Андреева. М.: Ультра. Культура, 2004. 784 с.
2. **Беликов В. И., Крысин В. П.** Социолингвистика: учебник. М.: Рос. гос. гум. ун-т, 2001. 439 с.
3. **Бодуэн де Куртенэ И. А.** Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // Избранные труды по общему языкознанию: в 2-х т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. С. 348-350.
4. **Виноградов В. А., Коваль А. И., Пархомовский В. Я.** Социолингвистическая типология. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 136 с.
5. **Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка** / АН СССР, ин-т языкознания; отв. ред.: Ю. Д. Дешериев, Л. П. Крысин. М.: Наука, 1988. 200 с.
6. **Выготский Л. С.** Развитие высших психических функций. М.: АПН РСФСР, 1960. 500 с.
7. **Гальперин П. Я.** Развитие исследований по формированию умственных действий. Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. 1.
8. **Гусева М. А.** Гендерные и социолингвистические характеристики языковой личности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. 2. С. 25-30.
9. **Дридзе Т. М.** Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.
10. **Зимняя И. А.** Речевая деятельность и психология речи // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. С. 64-73.
11. **Карасик В. И.** Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.
12. **Леонтьев А. А.** Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
13. **Матурана У., Варела Ф.** Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. О. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
14. **На дороге. Битники** [Электронный ресурс] // По материалам журнала «Соты» (Киев). 1998. № 1. С. 76-86. URL: http://avd-redline.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=175:2012-01-08-14-41-06&catid=15:2011-05-15-16-42-27&Itemid=21 (дата обращения: 28.06.2014).
15. **Поливанов Е. Д.** Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
16. **Поливанов Е. Д.** Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991. 624 с.
17. **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.

18. **Топка Л. В.** Категоричное речевое поведение: Универсальные и этноспецифические средства репрезентации // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях: материалы IV междунар. науч.-практ. конф. 1-2 декабря 2013 года. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 106-112.
19. **Топка Л. В.** Некатегоричность: опыт прагма-семантического исследования. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. Saarbrücken, Deutschland, 2012. 164 с.
20. **Топка Л. В.** Прагма-семантические конститuentы ситуации «Требование» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. 2. С. 162-166.
21. **Топка Л. В.** Семантическое пространство речеповеденческой ситуации // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 5. Т. 1. С. 294-300.
22. **Туманян Э. Г.** Аспекты применения языка в идеологической борьбе // Современная идеологическая борьба и проблемы языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев. М.: Наука, 1984. С. 93-117.
23. **Швейцер А. Д.** Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М.: Наука, 1976. 176 с.
24. **Якобсон Р. О.** Лингвистика и поэтика // СтрУктУрализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193-230.
25. **Chamber Dictionary of Etymology.** London: Chamber Harrap Publishers Ltd., 2010. 1284 p.
26. **Ferlinghetti L.** Poetry as Insurgent Art. N. Y.: New Directions, 2007. 90 p.
27. **Kerouac J.** On the Road [Электронный ресурс]. URL: <http://lit.genius.com/Jack-kerouac-part-1-chapter-1-on-the-road-annotated> (дата обращения: 12.07.2014).
28. **Longman Dictionary of English Language and Culture.** Essex, Harlow: Pearson Education Limited, 1999. 1568 p.
29. **Macmillan English Dictionary for Advanced Learners.** Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1748 p.
30. **ON THE ROAD: Сообщество битников** [Электронный ресурс]. URL: <http://ru-on-the-road.livejournal.com/> (дата обращения: 13.02.2015).
31. **Oxford Guide to British and American Culture.** Oxford: Oxford University Press, 2005. 533 p.
32. **Pike K. L.** Towards a Theory of the Structure of Human Behavior // Language in Culture and Society. Ed. by Dell Hymes. N. Y.: Harper and Row, 1964. P. 54-62.
33. **Raskin J.** American Scream: Allen Ginsberg's "Howl" and the Making of the Beat Generation. University of California Press, 2006. 320 p.

SOCIAL CONDITIONING OF CATEGORICAL VERBAL BEHAVIOUR

Topka Larisa Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Koneva Varvara Faridovna

Eurasian Linguistic Institute, Moscow State Linguistic University

lavtop@list.ru; varvara.koneva@gmail.com

Categorical verbal behaviour as a result of socially relevant experience of individuals is a protest against the stereotypical role of prescriptions caused by a sense of justice and moral right of the speaker to the categorical verbal acts. This phenomenon has a research interest within the framework of language representation of situations of appeal and requirement, clearly manifested in the creative work of the representatives of the so-called Beat Generation.

Key words and phrases: categoricity; verbal behaviour; social group; counterculture; appeal; requirement.

УДК 82.-1:82.1(470.6)

Филологические науки

В статье рассмотрены объекты материального и нематериального мира, «оформляющие» парадигму этнокультурного сознания, выявлены особенности их отражения и преломления в творчестве карачаево-балкарских авторов. Посредством апелляции к символике (камень, дерево) определены основные тенденции развития национальной поэзии: стремление к философизации образного пространства и углубление психологизма.

Ключевые слова и фразы: символ; образ; национальная поэзия; этнокультурное сознание; камень; дерево; лирика; поэтика.

Узденова Фатима Таулановна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

Российской академии наук (КБИГИ)

kbigi@mail.ru

ЭТНОСИМВОЛЫ В КАРТИНЕ МИРА КАРАЧАЕВЦЕВ И БАЛКАРЦЕВ®

Активное обращение к символике в поиске адекватных форм отражения этнокультурного сознания, менталитета является характерной чертой национальных литератур Северного Кавказа. Стремление к этнизации объектного пространства (посредством знаковых символов) наблюдается в творчестве практически каждого